

УДК 81'42

DOI 10.31494/2412-933X-2018-1-5-141-147

Поляковская Ю. В.,

аспирант,

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

polyakovska1988@gmail.com

ИРОНИЯ КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ ИМПЛИЦИТНОСТИ В ИДИОДИСКУРСЕ Ф. ДОСТОЕВСКОГО

Аннотация

Целью данной статьи является анализ иронии как средства передачи имплицитных смыслов на примере идиодискурса Ф. Достоевского. Предметом исследования является имплицитность, способы ее проявления в дискурсе и коммуникативная цель автора. В результате анализа было доказано, что имплицитность проявляется с помощью иронии в идиодискурсе Ф. Достоевского. Выводы: имплицитность является неотъемлемой частью идиостиля и идиодискурса Ф. Достоевского, помогает прояснить авторскую позицию и разграничить авторское сознание и сознание героев.

Ключевые слова: имплицитность, идиодискурс, Ф. Достоевский, ирония.

Summary

The aim of the article is to analyze irony, which is used to transmit implied meaning, in Dostoevskyi's idiodiscourse. The object of the investigation is implicitness, its means, forms in discourse. The subject is the author's intentions when using implicitness. Thus, we have proved that implicitness can be expressed with irony in Dostoevskyi's discourse. Irony can be traced through all discourse levels and create implied meanings. Irony as a means of implicitness helps to clarify the author's position.

Key words: implicitness, idiodiscourse, Dostoevskyi, irony.

Современная лингвистика воспринимает текст не как отдельную знаковую систему, а как диалог автора с читателем, где важную роль играют ментальные проекции, когнитивное восприятие текста читателем и способ выражения мыслей автором. Акцент смещается с исследования текста на исследование дискурса и идиодискурса – коммуникативно-художественного пространства автора и читателя, где взаимодействие явной и скрытой информации основывается на существовании двух пластов языкового выражения мысли – эксплицитного и имплицитного. Имплицитные высказывания, где большая часть информации отсутствует, но является доступной для понимания, существовали всегда, но лишь в наше время этой проблеме начали уделять достаточное внимание.

Дискурс Ф. Достоевского, вбирая в себя все многообразие языка писателя, менталитет и национально-культурные особенности, экстралингвистические знания, ориентирует на изучение имплицитности, форм ее проявления и языковых особенностей.

Н. Иванишин, анализируя степень изученности имплицитности, отмечает, что данная категория изучалась на грамматическом уровне (имплицитность рассматривалась на уровне морфологии и синтаксиса); языковом (имплицитность проектировалась на разные уровни лингвосистемы); тексто-дискурсивном (имплицитность анализировалась как структурно-смысловой коннектор текстовых сегментов); коммуникативном (изучалась репрезентация латентных значений при интеракциях между коммуникантами); логико-лингвистическом (имплицитность понималась как особый способ выражения мысли) [9].

Н. Некрасова считает, что *подходы* к исследованию имплицитности можно условно разделить на *логический, психологический и философский* [13].

Следует заметить, что имплицитность в лингвистике обычно исследуется в текстах, произведениях, тогда как остается неясным каковы особенности имплицитности в дискурсе.

С другой стороны, существует проблема дискурсивного выражения авторской позиции Достоевского [5]. В. Габдуллина отмечает важность понимания авторского дискурса, его личности и взглядов для корректного прочтения его произведений. Открытыми остаются вопросы о фигуре автора, разграничению авторского сознания и сознания героев.

Одним из первых о проблеме имплицитности говорили В. Багдасарян [3], К. Долинин [6]. Н. Анохина дала наиболее полное и точное определение имплицитности, считая, что: “содержательные и смысловые компоненты, которые не получили отображения во внешней структуре текста, присутствуют в его внутренней структуре, и не просто присутствуют, а являются неотъемлемыми элементами глубинной формы текста” [1, 8].

И. Иванкова подчеркивает, что имплицитность способствует возникновению *имплицитного смысла*, который формируется под влиянием *модальности* и *диктальности* [10].

Н. Анохина [1], считает, что в структуре содержания любого текста всегда есть пресуппозитивный и имплицитивный компоненты. Она представляет содержание как модель реального мира, а понимание такого мира читателем неизбежно зависит от известных фактов – *фоновых знаний*.

О. Присяникова делает акцент на существовании деталей различной степени имплицитности, что зависит от социально-культурной среды, образования, характера человека, его мировоззрения и личного опыта [16].

Средствами выражения имплицитности могут выступать различные средства. Например, Н. Некрасова исследовала имплицитные конструкции в синтаксисе [13], И. Арнольд [2] одна из первых стала говорить об особенной специфике функционирования образных средств

при образовании импликации. К таким средствам она относит аллюзии, контрасты, метонимии от собственных имен, топонимы.

В качестве актуализаторов имплицитной информации может выступать и лексема, которая находится в заглавии. В. Вуколова [4] исследовала свойства экспрессивов как сигналов подтекста на основе романа “Братья Карамазовы”. Она отмечает значение собственных имен и антропонимов, которые функционируют как имплицитные детали, образуя пласт концептуальной и подтекстовой информации.

Анализируя особенности формирования имплицитности в драме, Н. Иванишин [9] указывает на особую функцию *лексических средств*, а именно *коннотативных лексем, окказионализмов, местоимений, наречий и внутренней формы слова*.

Импликации могут порождаться грамматическими средствами, словами широкой семантики, звуковым сближением слов. К основным средствам образования импликации В. Кухаренко относит местоимения, наречия, лексико-грамматические значения, синтаксическая позиция которых отличается контекстуальной несамостоятельностью [11].

Важным проявлением взаимодействия эксплицитности и имплицитности в диалогах, по мнению Л. Раджабовой [17], являются *вопросно-ответные конструкции*, которые представлены как структурно-семантическое единство, что создает и воплощает причинно-следственные смыслы, соотносящиеся с конкретной ситуацией.

Роль иронии в создании имплицитных смыслов изучалась А. Земляной [8]. А. Земляная относит иронию, согласно теории речевых актов, к косвенным речевым актам, иллокутивная цель которых присутствует имплицитно и выводится адресатом благодаря его коммуникативной компетенции.

Целью данной статьи является попытка выявить имплицитность в идиодискурсе Ф. Достоевского, определить способ ее проявления, языковые особенности ее использования. В свою очередь анализ имплицитности может способствовать ответам на вопросы об позиции автора, разграничении авторского сознания и сознания героев.

Длительное время ирония рассматривалась в лингвистике как стилистический прием, который функционирует в пределах предложения и придает окраску художественному произведению. Наметившиеся подходы к изучению иронии с позиции коммуникативной стилистики как результата дают возможность исследовать ироническую информацию, скрытую иронию, или ассоциативную, которая связана с мировоззрением автора.

Как утверждает С. Походня, между узуальным и окказиональным значением возникают отношения несоответствия, что приводит к порождению новых смыслов и гиперсемантизации значений. При расшифровке таких смыслов используются текстовые пресуппозиции различных типов [15].

О комическом и ироническом Достоевском редко говорят исследователи, так как писателя обычно приравнивают к трагику и знатоку человеческой психологии. Н. Логинова отмечает большую роль комического наряду с трагическим в идиостиле писателя, отмечает широкое использование иронии как стилистического приема [13]. Хотя ее исследования касаются в большей степени глобального и концептуального понятия смеха и комического с позиции литературоведения, но они позволяют сделать вывод о наличии неисследованных пластов в творчестве писателя.

Ирония в идиодискурсе Достоевского не заметна при невнимательном прочтении. Ее функция заключается в незаметном создании нужного впечатления, в ненавязчивом подсказывании автором читателю правильного толкования сюжета. Ирония прослеживается на синтаксическом, лексическом и текстовом уровне, что говорит о ее намеренном внедрении в дискурс и постепенном раскрытии по ходу повествования.

На синтаксическом уровне ирония представлена различными синтаксико-семантическими средствами определенной организация которых позволяет выявить глубинные имплицитные смыслы, скрытые автором, для расшифровки которых необходим контекст.

Присоединительные предложения с выражением противопоставления реализуют авторскую ироническую оценку происходящего:

Эта старуха и дочка впали, однако, в страшную бедность и даже ходили по соседству на кухню к Федору Павловичу за супом и хлебом ежедневно. Марфа Игнатьевна им отливала с охотой. Но дочка, приходя за супом, платье своих ни одного не продала, а одно из них было даже с предлинным хвостом [7, 45].

...он заключил, что припадок чрезвычайный и “может грозить опасностью”, что покамест он, Герценштубе, еще не понимает всего, но что завтра утром, если не помогут теперешние средства, он решится принять другие [7, 256].

Интерпретация иронии может опираться на различные пресуппозиции глобального характера, знаний о мире и понимание исторических моментов и мировосприятия того времени. К примеру, в идиодискурсе Достоевского все заграничное воспринимается как негативное, поэтому и помешательство Смердякова определяется рвением изучать французский:

Поговорив с Герценштубе и сообщив ему свое сомнение о том, что Смердяков вовсе не кажется ему помешанным, а только слабым, он только вызвал у старика тоненькую улыбочку. “А вы знаете, чем он теперь особенно занимается? – спросил он Ивана Федоровича, – французские вокабулы наизусть учит; у него под

подушкой тетрадка лежит и французские слова русскими буквами кем-то записаны, хе-хе-хе!” [7, 48].

Лексические средства наряду с синтаксическими реализуют иронию и создают имплицитные смыслы. С помощью преднамеренного использования наречий *так сказать, однако, слишком, вполне, безусловно*, Достоевский создает специфические контрасты, резкий диссонанс между эксплицитным выражением и имплицитным значением, семантически-иронические несоответствия. В результате серьезная речь героя, или важное событие пересматриваются и переосмысливаются только из-за включения одного слова или словосочетания.

Было, однако, странно; их по-настоящему должны бы были ждать и, может быть, с некоторым даже почетом: один недавно еще тысячу рублей пожертвовал, а другой был богатейшим помещиком и образованнейшим, так сказать, человеком, от которого все они тут отчасти зависели по поводу ловель рыбы в реке, вследствие оборота, какой мог принять процесс. И вот, однако ж, никто из официальных лиц их не встречает [7, 122].

Об Аграфене Александровне изъяснялся сдержанно и почтительно, как будто она была самого лучшего общества барыня, и даже ни разу не позволил себе назвать ее “Грушенькой” [7, 451].

Богатейшими значениями при создании иронии в идиодискурсе Достоевского обладают прилагательные, которые находясь в зависимости с существительными обладают гиперсемантизацией значения. Лишь под влиянием данного контекста при взаимодействии прилагательного и существительного появляется противоположный дополнительный имплицитный смысл, который выражает ироническое отношение автора к происходящему.

...нашего знаменитого монастыря, с которым Петр Александрович, еще в самых молодых летах, как только получил наследство, мигом начал нескончаемый процесс за право каких-то ловель в реке или порубок в лесу, доподлинно не знаю, но начать процесс с “клерикалами” почел даже своею гражданскою и просвещенною обязанностью [7, 10].

Попробую, однако, сообщить малыми словами и в поверхностном изложении. И во-первых, люди специальные и компетентные утверждают, что старцы и старчество появились у нас, по нашим русским монастырям, весьма лишь недавно... [7, 26]

Благие намерения – из-за любопытства разрешить давнюю смехотворную тяжбу о правах ловли рыбы в реке, люди компетентные – сплетники. Таким образом, замечен еще один момент, а именно, использование высокой книжной лексики в неподходящем контексте.

Следует заметить, что для некоторых персонажей Ф. Достоевский использует особый способ говорения. К примеру, одна пара героев –

поляки – хорошо знают русский, но находясь в русском обществе, продолжают использовать польский язык не по привычке, как сразу же понимает читатель, а из гордости и стремления показать свое превосходство и непринадлежность к данному обществу. Фонетическая созвучность польской и русской речи передает определенный каламбур и ироничность автора по отношению к героям:

Оба они как вошли в комнату, так тотчас же, несмотря на вопросы Николая Парфеновича, стали обращаться с ответами к стоявшему в стороне Михаилу Макаровичу, принимая его, по неведению, за главный чин и начальствующее здесь лицо и называя его с каждым словом: “пане пулковнику” [7, 452].

Ежели поволит моя крулева... – начал было он.

– Да что крулева, это королева, что ли? – перебила вдруг Грушенька. – И смешно мне на вас... [7, 430]

Коля Красоткин, подросток и школьник, лидер мальчиков, часто использует в своих репликах высокопарную научную лексику, которая не вяжется с его возрастом и родом занятий:

*Я отрицаю медицину. Бесплезное учреждение. Я, впрочем, все это **исследую**. Что это у вас там за сентиментальности, однако, завелись... [7, 473]*

*...я, знаете, никогда не **отвергаю народа**. Я люблю с народом... **Мы отстали от народа – это аксиома** – вы, кажется, изволите смеяться, Карамазов [7, 472]?*

Чёрт Ивана Федоровича использует для в своих диалогах с Иваном политическую лексику, которая находится в отношениях противоречия и несовместимости с его образом:

*И вот **единственно по долгу службы и по социальному моему положению** я принужден был задавить в себе хороший момент и остаться при пакостях. [7, 82]*

Таким образом, можно сделать **вывод**, что ирония в дискурсе Достоевского не одиночный момент, не проста и не случайна, а используется автором как средство характеристики персонажа, оценки происходящих событий и выражения авторской позиции. Интерпретация иронии приводит читателя к пониманию имплицитных смыслов, которые позволяют расширить границы понимания текста и определить авторскую оценку происходящего. Прослеживаясь на всех уровнях дискурса, ирония выражается синтаксическими, лексическими средствами и способом говорения.

Перспективами дальнейших исследований может быть комплексное исследование иронии, имплицитности в идиодискурсе Ф. Достоевского, анализ особенностей использования средств имплицитности в раннем и позднем творчестве писателя, что, несомненно, важно для правильного

понимания идейного замысла, и характеристики стилистических и структурных особенностей дискурса автора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анохина Н. В. Имплицитность как компонент структуры содержания текста и составляющая процессов его понимания : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Анохина Наталья Владимировна. – Уфа, 2010. – 195 с.
2. Арнольд И. В. Импликация как прием построения текста / И. В. Арнольд // Вопросы языкознания. – 1982. – № 4. – С. 83–91.
3. Багдасарян В. Х. Проблема имплицитного / В. Х. Багдасарян. – Ереван, 1983. – 137 с.
4. Вуколова В. О. Експресиви як сигнали підтекстової інформації : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.02 / Вуколова Віолетта Олександрівна. – К., 2004. – 234 с.
5. Габдуллина В. И. Авторский дискурс Ф. М. Достоевского. Проблемы изучения / В. И. Габдуллина. – Алтай : Алтайская гос. пед. акад., 2008. – 137 с.
6. Долинин К. А. Имплицитное содержание высказывания / К. А. Долинин // Вопросы языкознания. – 1983. – № 6. – С. 37–47.
7. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы / Ф. М. Достоевский. – Л. : Наука, 1976. – 511 с. (В 30 т. Т. 14. Братья Карамазовы: Кн. 1-10).
8. Земляная А. С. Имплицитность как компонент идиостиля и формы её выражения в творчестве Джейн Остен / А. С. Земляная // Известия Южного фед. ун. Филологические науки. – 2012. – № 3. – С. 82–89.
9. Іванишин Н. Я. Лексичні засоби формування імпліцитності в драматургічному тексті (на матеріалі української драми початку ХХ століття) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук. : спец. 10.02.01 “Українська мова” / Н. Я. Іванишин. – Івано-Франківськ, 2006. – 23 с.
10. Иванкова И. В. Реализация категории имплицитности в современном русском художественном языке : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Иванкова Ирина Владимировна. – Волгоград, 2007. – 194 с.
11. Кухаренко В. А. Интерпретация текста / В. А. Кухаренко. – М. : Просвещение, 1988. – 192 с.
12. Логинова Н. И. Формы и функции комического в романах Ф. М. Достоевского : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Логинова Наталья Игоревна. – М., 2000. – 197 с.
13. Некрасова Н. А. Имплицитность разноуровневых синтаксических конструкций в русском и английском языках : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Некрасова Наталья Александровна. – Ростов на Дону, 2003. – 155 с.
14. Петрова О. Г. Типы иронии в художественном тексте: концептуальная и контекстуальная ирония / О. Г. Петрова // Известия Саратовского ун. – 2011. – Т. 11. Серия Филология. – Вып. 3. – С. 25–30.
15. Походня С. И. Языковые средства выражения иронии в англоязычной художественной прозе : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Походня Софья Ивановна. – К., 1984. – 218 с.
16. Просяникова О. И. Актуализация имплицитности художественной детали в текстах психологической прозы : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Просяникова Ольга Ивановна. – Санкт-Петербург, 2004. – 174 с.
17. Раджабова Л. Г. Взаимодействие эксплицитности и имплицитности в смысловой структуре художественно-публицистического произведения : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Раджабова Лейла Гаджирамазановна. – Махачкала, 2005. – 154 с.

Стаття надійшла до редакції 17 квітня 2018 року